

Технология оперативно-розыскной деятельности представляет собой совокупность взаимосвязанных правовых, организационных, тактических и технических процессов, направленных на решение конкретных задач оперативно-розыскной деятельности.

Список использованных источников

1. Галкин, В.П. Проблемы современности: теоретические аспекты и основы экологической проблемы – толкователь слов и идиоматических выражений : контекст. учеб. пособие к циклу «Экологические проблемы человечества». Экология, социология, философия, право / В.П. Галкин. – Чебоксары, 1997. – Ч. 2. – 148 с.
2. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2006. – 960 с.
3. Степанов, А.В. Философия : справ. материалы для самостоят. работы студентов и магистрантов / А.В. Степанов. – Алматы, 2012. – 107 с.
4. Вантеева, Н.В. Юридические технологии : метод. указания / Н.В. Вантеева, В.Н. Карташов ; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2014. – 56 с.
5. Барихин, А.В. Большая юридическая энциклопедия (Серия «Профессиональные справочники и энциклопедии») / А.В. Барихин. – М. : Кн. мир, 2010. – 960 с.
6. Информационные технологии в юридической деятельности : учеб. и практикум для акад. бакалавриата / под. ред. проф. В.Д. Элькина. – 2-е изд. – М. : Юрайт, 2018. – 403 с.
7. Омелин, В.Н. Информационные технологии в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / В.Н. Омелин, А.В. Квитко // Науч. портал МВД России. – 2011. – № 4. – 136 с.
8. Овчинский, В.С. Технологии будущего против криминала (Коллекция Изборского клуба) / В.С. Овчинский. – М. : Кн. мир, 2017. – 288 с.
9. Бачила, В. Оперативно-розыскное мероприятие «слуховой контроль»: теория и практика / В. Бачила // Суд. весн. – Минск. – 2008. – № 1. – 80 с.
10. Ожегов, С.И. Словарь русского языка : ок. 53 000 слов / С.И. Ожегов ; под общ. ред. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М. : Оникс ; Мир и образование, 2005. – 1198 с.
11. Акимова, Т.А. Теория организации : учеб. пособие для вузов / Т.А. Акимова. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 367 с.
12. Нагиленко, Б.Я. Понятие оперативно-розыскной деятельности: содержание и правовое регулирование : курс лекций : в 2 ч. / Б.Я. Нагиленко, Т.В. Астишина, Т.В. Косарева. – Домодедово : ВИПК МВД России, 2010. – Ч. 1. – 110 с.

Дата поступления в редакцию: 01.04.21

V.V. Bachyla, Candidate of Juridical Sciences, Assistant Professor, Professor of the Department of Criminal Process of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus

TO THE CONCEPT OF 'INVESTIGATIVE TECHNOLOGY'

Actual problems of using modern technologies in combating crime are considered on the basis of summarizing on the theory of detective activity and law-enforcement practice. The analysis of concept is done and scientific approach to the formation of the concept 'technology of detective activity' is proposed.

Keywords: technology, technological process, technology of detective activity, detective methods, scientific-technical means, special technical means.

УДК 343.352.4

В.М. Веремеенко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь (e-mail: vitalik.VVM@yandex.ru)

КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ БЕЛАРУСИ СОВЕТСКОГО И ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ

Рассматривается история развития правовых норм, устанавливающих ответственность за коррупционные преступления против интересов службы, в уголовном законодательстве Беларуси советского и постсоветского периодов. Прослеживается процесс развития коррупционных преступлений против инте-

ресов службы в прошлом и возможные особенности их развития в будущем. Акцентируется внимание на особенностях развития исследуемых норм. Представлены выводы о наличии специфических признаков, позволяющих объединить эти преступления в одну группу.

Ключевые слова: интересы службы, коррупционные преступления, незаконное участие в предпринимательской деятельности, бездействие должностного лица, злоупотребление властью или служебными полномочиями, превышение власти или служебных полномочий.

Для правильного понимания действующего законодательства, предусматривающего ответственность за коррупционные преступления против интересов службы, важно установить его истоки и проследить этапы развития. Историко-правовой метод позволяет установить причины возникновения и развития норм об ответственности за рассматриваемые деяния, определить направления развития и применения их на современном этапе.

Отдельные обращения к данной тематике можно найти в работах В.А. Ананича, И.И. Басецкого, А.В. Башана, А.М. Клима, В.М. Хомича, А.А. Шардакова и других белорусских исследователей. Вместе с тем история развития коррупционных преступлений против интересов службы в уголовном законодательстве Беларуси советского и постсоветского периодов ранее комплексно не рассматривалась. С учетом актуальности темы и существующих пробелов в ее исследовании представляется логичным проследить историю развития соответствующих правовых норм, сделать необходимые обобщения и высказать некоторые авторские предложения.

После совершения Октябрьской революции 1917 г. на территории Беларуси стало действовать российское законодательство в виде декретов, постановлений, инструкций. В них уже можно было обнаружить нормы о служебных преступлениях. Наиболее подробную регламентацию получило взяточничество [1, с. 73–82]. Другие виды должностных преступлений не получили столь детальной регламентации, но упоминания о них и некоторая характеристика этих деяний содержались в правовых актах того времени. При этом было значимым установление ответственности за использование своего служебного положения в личных целях. Например, в Инструкции Наркомюста РСФСР от 19 декабря 1917 г. «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» предусматривалось установление ответственности за противоправное использование своего общественного и административного положения.

Изучение многочисленных нормативных правовых актов свидетельствует о том, что уже в первые послереволюционные годы борьба с должностными преступлениями рассматривалась как приоритетная линия политики государства. Так, в Декрете Совнаркома РСФСР от 21 октября 1919 г. «О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогах и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах» использовалось понятие «должностные преступления». В соответствии с данным декретом все дела о должностных преступлениях лиц, указанных в нем, изымались из общей подсудности и передавались в Особый революционный трибунал при Всероссийской чрезвычайной комиссии.

В первых правовых актах советской власти не только указывались преступления, посягающие на интересы службы, но и назывались их формы и признаки. Например, в постановлении Наркомюста РСФСР от 26 февраля 1921 г. «Об усиленной ответственности должностных лиц за преступления, совершаемые при продовольственной работе» раскрывались формы превышения власти и преступного нерадения и бесхозяйственности: превышение власти продовольственными агентами с явно корыстной целью; превышение власти хотя бы и без корыстной цели, но сопровождавшемся дискредитированием советской власти и имевшем важные последствия; применение истязаний и насильственных действий при выполнении разверстки и ряд других деяний.

Так, в нормативных правовых актах того времени получили закрепление нормы о служебных преступлениях, назывались их формы и признаки. Однако при этом в большинстве своем прослеживается классовый подход. Так, в соответствии с Декретом ВЦИК и Совнаркома РСФСР от 1 июня 1921 г. «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям» при рассмотрении дел указанной категории и назначении наказания предписывалось установить социальное происхождение и классовую принадлежность привлекаемых и осужденных лиц с тем, чтобы в отношении лиц пролетарского и полупролетарского происхождения суровость репрессии ослаблялась, а в отношении долж-

ностных лиц и представителей спекулятивного мира осуществлялась со всей неукоснительностью и последовательностью.

Многочисленные правовые акты, принятые в первые послереволюционные годы, стали основой для формирования и дальнейшего развития норм о преступлениях, посягающих на интересы службы, при последующей кодификации уголовного законодательства.

Первым в истории Советского государства кодифицированным уголовно-правовым актом стал Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (УК), действие которого распространялось и на территорию Беларуси. Нормы о служебных преступлениях получили в нем закрепление в гл. II «Должностные (служебные) преступления». Эта глава размещалась сразу после гл. I «Государственные преступления», что свидетельствовало о признании советским законодателем достаточно высокого уровня общественной опасности преступлений, посягающих на интересы службы. В перечень норм об этих преступлениях были включены такие рассматриваемые нами деяния, как злоупотребление властью, превышение и бездействие власти. Следует отметить, что в УК не только назывались эти деяния, но и давалось их понятие, описывались признаки. Так, злоупотребление властью определялось как «совершение должностным лицом действий, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не будучи вызваны соображениями служебной необходимости, повлекли за собой нарушение правильной работы учреждения или предприятия, или общественного порядка, или частных интересов отдельных граждан» [2, с. 17].

Под «превышением власти» УК понимал «совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы предоставленных ему законом прав и полномочий», а под «бездействием власти» – «невыполнение должностным лицом действий, которые он по обязанности своей службы должен был бы выполнить» [2, с. 18].

В примечании к ст. 105 УК давалось определение должностных лиц как лиц, занимающих постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач.

В 1926 г. был принят новый УК РСФСР. В нем нормы о преступлениях, посягающих на интересы службы, получили закрепление в гл. III «Должностные (служебные) преступления». В них были внесены некоторые изменения содержательного и редакционного характера. Например, при описании рассматриваемых преступлений в качестве их обязательных признаков, не содержащихся в УК РСФСР 1922 г., назывались такие, как причинение имущественного ущерба учреждению или предприятию, или совершение соответствующих противоправных деяний систематически или из корыстной или иной личной заинтересованности, или если эти действия хотя бы и не повлекли, но заведомо для должностного лица могли повлечь за собой тяжкие последствия. Следует отметить также, что состав бездействия власти, предусмотренный в отдельной статье УК РСФСР 1922 г., в новом кодексе был объединен в одной статье с халатностью. В качестве уточняющих или редакционных изменений можно назвать следующие: вместо состава злоупотребления властью и превышения власти в УК РСФСР 1926 г. говорится о злоупотреблении властью или служебным положением и превышении власти или служебных полномочий [3, с. 403–404].

Дальнейшее развитие норм об ответственности за служебные преступления связано с принятием 23 сентября 1928 г. УК БССР. В нем характеристика исследуемых норм в целом совпадает с предыдущей, содержащейся в УК РСФСР 1922 и 1926 гг. Обращает на себя внимание и то, что размеры санкций за указанные преступления также практически не изменились.

С небольшими уточнениями, касающимися главным образом размеров санкций, такое законодательное регулирование составов преступлений, посягающих на интересы службы, сохранялось вплоть до принятия нового УК БССР. В условиях становления и усиления в стране культа личности И.В. Сталина наметилась устойчивая тенденция на более активное применение репрессий в уголовном законодательстве, в том числе и предусматривающей ответственность за исследуемые деяния. Неслучайно в годы Великой Отечественной войны возросла ответственность за нарушение должностными лицами их служебных обязанностей. Борьба с должностными преступлениями в тот период была достаточно активной, о чем свидетельствует изучение

архивных документов. Так, из всех статей гл. 5 УК БССР 1928 г. на практике более активно применялись статьи, предусматривающие ответственность за злоупотребление властью или служебными полномочиями, превышение власти и бездействие власти. В условиях военного времени число осужденных за эти деяния значительно возросло.

Важным этапом в развитии советского уголовного законодательства явилось принятие 29 декабря 1960 г. нового УК БССР. Данный кодекс во многом сохранил положения предыдущего законодательства об ответственности за служебные преступления. В нем рассматриваемые преступления были включены в гл. 12 «Должностные преступления». Из исследуемых в ней получили закрепление такие деяния, как злоупотребление властью или служебным положением, и превышение власти или служебным положением, и превышение власти или служебных полномочий. В них были внесены изменения, касающиеся, главным образом, описания их объективной стороны. Так, в соответствии со ст. 166 и 167 УК БССР 1960 г. для этих преступлений в качестве обязательного условия возникновения уголовной ответственности не требовалось, как это предусматривал УК БССР 1928 г., чтобы в результате этих деяний наступили особо тяжкие последствия или чтобы они угрожали тяжкими последствиями, а также чтобы эти деяния имели систематический характер. В то же время в качестве обязательных были указаны иные последствия и были сформулированы критерии разграничения должностных преступлений и должностных проступков. Таковым выступало последствие деяния – существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан и мотив, и цель поведения субъекта преступления – корыстная или иная личная заинтересованность. Некоторые изменения коснулись и размера санкций. Если в соответствии с УК БССР 1928 г. злоупотребление властью и превышение власти карались лишением свободы на срок соответственно не менее одного года и не менее шести месяцев [4, с. 54–55], то согласно УК БССР 1960 г. санкции за данные деяния были более строгими и более точными. Так, ч. 1 ст. 166 и ч. 1 ст. 167 УК предусматривали наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет или исправительных работ на срок до двух лет, или увольнения от должности, а по ч. 2 ст. 166 злоупотребление властью или служебным положением наказывалось лишением свободы на срок до восьми лет, по ч. 2 ст. 167 превышение власти или служебных полномочий наказывалось лишением свободы на срок до десяти лет [5, с. 91–92].

Анализ советского уголовного законодательства показывает, что отношение государства к уголовно-правовой оценке исследуемых деяний не оставалось неизменным. В отдельные исторические периоды законодатель по-разному подходил к оценке их общественной опасности. Об этом свидетельствуют и изменения в нормативных правовых актах, касающиеся характеристики самих служебных преступлений, и изменение наказаний за их совершение. Наиболее четко это прослеживается на примере деяния «бездействие власти», регламентация ответственности за которое существенно менялась в различные исторические периоды. В отечественной практике выработано несколько подходов к определению оснований уголовной ответственности за бездействие власти. Первый подход основан на признании бездействия власти самостоятельным преступлением, предусмотренным отдельной правовой нормой. Он получил закрепление уже в первом советском уголовном кодексе, в частности, в ст. 107 УК РСФСР 1922 г. Второй подход заключался в том, что данное деяние представляет собой несамостоятельное преступление. Это нашло отражение в ст. 111 УК РСФСР 1926 г. и в ст. 196 УК БССР 1928 г. Их анализ свидетельствует о том, что в них объединены признаки двух преступлений: халатности и бездействия власти. Такой подход вряд ли можно признать правильным, так как эти преступления, хотя и являются в какой-то степени близкими по своему смыслу, различаются по своему назначению и содержанию, по признакам субъективной стороны. Принятый в 1960 г. УК БССР первоначально вообще не включал норму о бездействии власти. И только Законом Республики Беларусь от 1 марта 1994 г. этот пробел был ликвидирован, и в УК была внесена ст. 166¹ «Бездействие власти» [6, с. 123].

Как показывает проведенное исследование, особенностью оценки законодателем тех или иных деяний, в том числе и рассматриваемых в рамках изучаемого вопроса, является ее связь с политикой самого государства на том или ином этапе его развития. Например, в советский период понятие «коррупция» в нормативных правовых актах не использовалось. На официальном уровне закрепилось мнение, что для социалистического общества коррупция как системное

явление не характерна, она отвергалась как чуждая социалистическому строю. Причины возникновения коррупционных проявлений связывались только с условиями эксплуататорского буржуазного государства. И лишь начавшиеся в середине 80-х гг. XX в. экономические реформы, процессы демократизации, принципиальные изменения политических институтов и государственной идеологии, увеличение объема и усиление опасности коррупционных проявлений сделали актуальной проблему пересмотра концепции ответственности должностных лиц и введения новых механизмов противодействия коррупционным преступлениям, посягающим на интересы службы. Были сформулированы новеллы и предложения, которые нашли свое отражение в принятом 9 июля 1999 г. УК Республики Беларусь.

Анализируемые выше деяния в новом УК вошли в гл. 35 «Преступления против интересов службы», в которой, в целом, сохранены структура и составы рассматриваемых преступлений, указанных ранее в гл. 12 «Должностные преступления» УК 1960 г. Вместе с тем содержание норм об ответственности за эти преступления в новом УК 1999 г. было несколько изменено, были уточнены понятия исследуемых деяний: изменено понятие основного состава злоупотребления властью или служебных полномочий, вместо использования служебного положения указано на использование служебных полномочий; корыстная или иная личная заинтересованность из обязательного признака данного состава преступления стала квалифицирующим. Статья о превышении власти или служебных полномочий также была изменена. Ранее речь шла о совершении должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных законом, теперь же – о совершении действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных по службе; квалифицирующий признак о применении оружия дополнен применением специальных средств. Включенная в 1994 г. в УК ст. 166¹ предусматривала ответственность за бездействие власти, а в УК 1999 г. была введена ответственность за бездействие должностного лица, т. е. был предусмотрен более широкий круг субъектов этого преступления.

В новом УК 1999 г. впервые появилась самостоятельная правовая норма, предусматривающая ответственность за незаконное участие в предпринимательской деятельности, согласно которой должностное лицо, находящееся на государственной службе, не вправе предоставлять льготы и преимущества или в иной форме оказывать покровительство организации, учредителем которой оно является, либо в управлении которой оно участвует лично или через доверенное лицо. Становление данной нормы имеет свою историю. Еще в дореволюционный период в законодательстве был установлен запрет на совместительство предпринимательской деятельности и государственной службы. В советский период запреты и ограничения, касающиеся совмещения государственной службы с участием в хозяйственной деятельности, получили закрепление в ряде правовых актов. Вследствие событий начала 90-х гг. XX в. незаконное участие должностных лиц в предпринимательской деятельности стало расти. С развитием рыночных отношений государственные служащие стали использовать опосредованные и трудно выявляемые формы обогащения. Чиновники разных уровней стали входить в советы директоров акционерных обществ, лоббировать интересы конкретных субъектов рынка, освобождать их от проверок, ревизий, предоставлять незаконные привилегии в виде налоговых льгот, побед в аукционах, конкурсах и т. п. Незаконное участие в предпринимательской деятельности приобретало все новые глубоко законспирированные формы и, в конечном итоге, стало одним из проявлений коррупции, что представляет серьезную угрозу для стабильности политической системы и национальной экономики. Во-первых, подрывается авторитет государственной власти, так как должностное положение используется не в интересах общества и государства, а в интересах бизнесмена чиновника. И, во-вторых, государственный служащий использует свой статус для оказания различных преимуществ и льгот своей организации, что ведет к ограничению или устранению конкуренции, неэффективному использованию бюджетных средств, непоступлению в бюджет причитающихся налогов и т. п. В этой связи включение в УК самостоятельной нормы об ответственности за незаконное участие в предпринимательской деятельности является обоснованным законодательным решением, потому как данное деяние соответствует всем критериям, необходимым для криминализации: обладает высокой степенью общественной опасности, имеет место в объективной реальности, его криминализация не противоречит ни белорусскому законодательству, ни международным правовым актам.

С момента принятия УК 1999 г. изменения и дополнения в нормы, определяющие ответственность за преступления против интересов службы, вносились неоднократно. Наиболее существенные из них были определены Законами Республики Беларусь от 18 июля 2007 г. и от 15 июля 2009 г. Так, в 2007 г. был принят Закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь по вопросу ответственности за преступления, связанные с коррупцией», который, изменив содержание ст. 425 УК, ввел уголовную ответственность за бездействие должностного лица, повлекшее невыполнение показателей, достижение которых явилось условием оказания государственной поддержки.

Законом Республики Беларусь от 15 июля 2009 г. № 42-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросу усиления ответственности и оперативно-розыскной деятельности» был изменен подход к определению ответственности за злоупотребление властью или служебными полномочиями и за бездействие должностного лица. Из ст. 424 и 425 УК была исключена первая часть, а в части второй, где ранее предусматривались квалифицирующие признаки, были сформулированы основные составы этих преступлений. Уголовная ответственность за указанные преступления стала наступать лишь при наличии корыстной или иной личной заинтересованности, выступающей в качестве обязательного признака основного состава преступлений, предусмотренных ст. 424 и 425 УК.

Важная роль в уяснении содержания норм, предусматривающих ответственность за преступления против интересов службы, принадлежит постановлению Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424–428 УК)». В нем обозначены современные подходы к правовой оценке исследуемых преступлений, дано толкование многих понятий, относящихся к их характеристике, разъяснены сложные вопросы квалификации.

Значение для организации противодействия рассматриваемым преступлениям и официального признания их коррупционными имели Законы Республики Беларусь от 26 июня 1997 г. № 47-З «О мерах борьбы с организованной преступностью и коррупцией» и от 20 июля 2006 г. № 165-З «О борьбе с коррупцией». В них дано определение коррупции, указаны общественно опасные деяния, отнесенные к коррупционным правонарушениям. Исходя из общего понятия коррупции и ее признаков, содержащихся в указанных законах, был разработан перечень коррупционных преступлений, утвержденный 5 апреля 2007 г., а затем с учетом изменений 27 декабря 2013 г. постановлением Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственного контроля Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Следственного комитета Республики Беларусь. Согласно этому постановлению, к числу коррупционных отнесены все рассматриваемые нами деяния [7, с. 374–375].

Подводя итог, можно сформулировать следующие выводы:

1. В первые послевоенные годы ответственность за исследуемые деяния предусматривалась в многочисленных законодательных актах в виде декретов, постановлений и т. п. В них уже выделялись составы должностных преступлений, за совершение которых предусматривались довольно суровые меры наказания. Это свидетельствовало о том, что борьба с исследуемыми преступлениями рассматривалась как приоритетная линия политики государства.

2. Указанные нормативные правовые акты стали основой для формирования норм о преступлениях против интересов службы (о должностных преступлениях) в первых советских уголовных кодексах, в которых исследуемые деяния получили более детальную регламентацию. От кодекса к кодексу менялись отдельные признаки этих деяний, а также наказания за их совершение. Окончательное оформление должностных преступлений советская доктрина получила в УК БССР 1960 г.

3. Советский законодатель признавал достаточно высокий уровень общественной опасности анализируемых преступлений и объединил их в одну группу. За основу объединения данных преступлений в группу коррупционных были взяты следующие признаки: связь деяния с использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы; совершение их путем нарушения правил нормативного характера, устанавливающих порядок и

правила государственного аппарата и аппарата органов местного самоуправления; совершение их из корыстных побуждений или иной личной заинтересованности.

4. Законодатель в советский и постсоветский периоды постоянно обращался к правовым нормам, предусматривающим ответственность за преступления, посягающие на интересы службы. При этом перечень этих деяний не оставался неизменным, их признаки также детализировались и уточнялись на различных этапах развития государства.

Изучение опыта по формированию и развитию норм об ответственности за коррупционные преступления против интересов службы в советский и постсоветский периоды поможет совершенствовать законодательство и правоприменительную практику современного государства в области противодействия анализируемым деяниям.

Список использованных источников

1. Веремеенко, В.М. Взятничество в уголовном законодательстве Беларуси советского и постсоветского периодов / В.М. Веремеенко // Весн. МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя D, Эканоміка. Сацыялогія. Права. – 2014. – № 1. – С. 73–82.
2. Уголовный кодекс РСФСР. – Опочка, Псковской губ. : Изд. и тип. т-ва «Путь к знанию», 1922. – 39 с.
3. Уголовный кодекс РСФСР // Хронологическое собрание законов Указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР на 1 марта 1940 г. – М. : ОГИЗ Госполитиздат, 1941. – Т 9. – 892 с.
4. Уголовный кодекс БССР. – Минск : Гос. изд-во при СНК БССР, 1940. – 107 с.
5. Уголовный кодекс Белорусской ССР; Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР : офиц. тексты с изм. и доп. на 1 апр. 1985 г. – Минск : Беларусь, 1985. – 368 с.
6. Уголовный кодекс Белорусской ССР : офиц. текст с изм. и доп. на 1 мая 1994 г. – Минск : Репринт, 1994. – 208 с.
7. Противодействие коррупции : учеб. пособие / Н.А. Бабий [и др.] ; под общ. ред. А.В. Конюка. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2016. – 498 с.

Дата поступления в редакцию: 28.04.21

V.M. Veremeenko, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Detective Activity of the Faculty of Militia of the Academy of the MIA of the Republic of Belarus.

CORRUPTION CRIMES AGAINST THE INTERESTS OF THE SERVICE IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF BELARUS OF THE SOVIET AND POST-SOVIET PERIODS

The article examines the history of the development in the criminal legislation of Belarus of the Soviet and post-Soviet periods of legal norms establishing responsibility for corruption crimes against the interests of the service. The process of development of corruption crimes against the interests of the service in the past and possible features of their development in the future are shown. The conducted historical and legal analysis made it possible to identify not only the peculiarities of the development of the studied norms, but also to draw conclusions about the presence of specific features that make it possible to combine these crimes into one group.

Keywords: interests of the service, corruption crimes, illegal participation in entrepreneurial activity, inaction of an official, abuse of power or official authority, abuse of power or official authority.

УДК 343.985

*А.В. Изотов, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: Izeslav@mail.ru)*

ТАКТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАСКРЫТИЯ ГРАБЕЖЕЙ И РАЗБОЕВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Исследуются особенности процесса раскрытия грабежей и разбоев в части появления при этом проблемных ситуаций с различной степенью неопределенности, для решения которых необходима оптимальная линия поведения субъектов оперативно-розыскной деятельности – тактика. Прослеживается процесс зарождения тактики раскрытия преступлений. Акцентируется внимание на научных определениях тактики оперативно-розыскной деятельности и их дискуссионных положениях. Отражаются особенности тактики при раскрытии грабежей и разбоев.

Выделяется направление совершенствования тактического обеспечения раскрытия грабежей и разбоев.